

А. А. Кожина
Минск (Белоруссия)

Образ мира в польскоязычных завещаниях, составленных на территории Белоруссии

Актовые книги XVIII века Брестского, Минского, Полоцкого и Гродненского земских судов, хранящиеся в Национальном историческом архиве Белоруссии, содержат большое количество текстов польскоязычных завещаний. Этот до сих пор не исследованный корпус материалов (обработка текстов сделана О. Корсак) дает представление об образе мира, который возникает в сознании человека, готовящегося к концу своего земного существования. Шаблон составления завещания предусматривал определенные юридические формулы, однако в его границах завещатель имел достаточно места для выражения своего представления о мире. В завещаниях можно выделить сакральную (содержащую рассуждения о Боге и смысле жизни) и профанную (содержащую описание завещаемого имущества) составляющие. Во всех текстах обнаруживаются сходные позиции, которые складываются в некоторую единую аксиологическую схему.

Жизнь в сознании человека, настраивающегося на вечность, приобретала нечеткие, изменчивые и смазанные очертания: *natým mizernym Swiecie niemasz nic wiecznego Ani trwałego, ale kazda rzecz Przypadkom y skazitelnosci podlega* «в этом ничтожном мире нет ничего вечного и постоянного, но каждая вещь случайности и испорченности подлежит» (Brest. 1741).

Бог призывает человека (*Bog wszechmogący... do Chwały swey Świętey powołac mnie ztego Swiata raczy* «всемогущий Бог... к славе своей святой позвать соблаговоляет» (Grodn. 1755)), и мир вместе с человеком приходит в движение, причем это движение заметно на самых различных уровнях:

– меняются краски: *Swiat y Zycie w nim Ludzkie ze tylko kolor iest y nikczemna... farba, w krotkim czasie wszystkim podlega odmianom a nic stalego niema* «мир и человеческая жизнь в нем – только цвет и никчемная краска, за краткое время все подвержено изменениям, а ничего постоянного нет» (Brest. 1741);

– двигаются тени и реальные предметы: *A zywot iednak Ludzki lako cien przemija, y lako kwiat więdnije* «а человеческая жизнь как тень проходит и как цветок вянет» (Polock. 1778); *człowiek iest piłka wręku Panskich wгурę rzucić ynadół lako Panu wolno iest* «человек – это мяч в руках Господа, вверх бросают и вниз, как Господь пожелает» (Polock. 1778);

– уходят вещи и люди: *a przy smierci wszystkie rzeczy lwszyscy przyiaciele opuszczą* «а при смерти все вещи и все друзья покинут» (Polock. 1778).

Изменчива не только земная, но и небесная жизнь, единственной неизменной точкой здесь является слово: *Pamiętając tez na Słowa przedwieczney Mondrosci ze niebo y Ziemia przemina nie słowa Pana zastempow nie przemina lecz trwac nawieki*

będę «памятуя о словах предвечной Мудрости, что небо и земля преходящи, но слова Господа не преходящи, а будут существовать вечно» (Brest. 1741). Интересно, что в земной жизни также есть два незблемых пункта, которые удерживают ускользающую реальность: это момент смерти (*każdy człowiek natym mizernym świecie ziąćy dług śmiertelności koniecznie wypłacić musi i nic sobie pewniejszego obiecywać nadśmierć nie może* «каждый человек, на этом ничтожном падоле живущий, долг смертности непременно заплатить должен, и ничего вернее смерти обещать себе не может» (Polock. 1778)) и момент составления завещания: *iednak na pamięci y umysle zostając zdrowy takowy ostatniey woli moiey Testamentowey czynię rozporządzenie* «однако, оставаясь в здравом уме и твердой памяти, такое последней моей волей в завещании делаю распоряжение» (Grodn. 1755, 1).

В профанной, собственно завещательной части документа, взгляд на мир кардинально меняется. Мир в его имущественной ипостаси представляется твердым и незблемым, шляхтич, только что говоривший о преходящем характере не только земной, но и небесной жизни, уверенно пишет: *daruję y wiecznym i czas y zapisuie Jpu Jozefowi Blockiemu Bratu memu rodzonemu Pas Stambulski czapkę z Siwym baranem wiszniową Szable w czarney oprawie* «дарую и на в е ч н ы е в р е м е н а записываю п. Юзефу Блоцкому, брату моему родному, пояс стамбульский, шапку с седым бараном вишневою, саблю в черной оправе» (Brest. 1741). Будущее представляется ясным и неизменным: *na opłatę tego Jan lastrzębski Łowczy wskazuje mey dębowey Zielonym Suknem okrytey pod łozkiem mym stojącey naydzie ynaalezycie podług mey woli y przeznaczenia wraz pozgonie moim wypłaci* «на оплату этого Ян Ястжемски, ловчий, в шкатулке моей дубовой, зеленым сукном покрытой, под кроватью моей стоящей найдет и соответствующим образом по моей воле и назначению сразу по кончине моей выплатит» (Minsk. 1769).

Именно в профанной части завещания представлены основные жизненные ценности человека. Так, в реестре передаваемого (*pięć talarów bitych, pas jedwabny, pałasz, obrazek w srebro oprawiony, suknie, cyny misa jedna, półmisków cztery, talerzy jedenaście, żyłek pięć, koń, wół łysy, byczek czarny, gniady byk* и т. д.) можно усмотреть такие очевидные и фундаментальные ценности, как бережливость, хозяйственность, даже любовь матери, разделившей наследство, прося детей: *gdyby po mey śmierci miłość Braterską w sobie mieli* «чтобы после моей смерти братскую любовь между собой имели» (Minsk. 1769).

Н. С. Колесник

Черновцы (Украина) —

Прага (Чешская Республика)

Национально-культурная специфика номинаций Богородицы в украинском песенном фольклоре

В последнее время возрос интерес славянских ономастов к изучению собственных имен как источника реконструкции культурно-языковой картины мира.